

«А я люблю, как живу, неровно: то слишком мало, то огромно...»

Девушки, конечно, влюблялись. Лена встретила любовь на всю жизнь. Римма же ошиблась. Она влюбилась в морского лётчика, служившего в Совгавани. «Ей сначала было с ним интересно, – вспоминала Лена. – Но больше рассказывала она. А он смотрел на неё с удивлением и восторгом, а потом испугался. Испугался того, что она – личность, и что она его просто подавит своей эрудицией, своими знаниями. Она рассталась с ним. Трудно расставалась». Родились стихи. Одно из них с посвящением – «Толе». В нём она рассказывала об уже «взрослой» женской любви: *«Наверное, надо любить тоньше, // наверное, нужно любить больше»*. В стихах она объясняла появившуюся в ней неуверенность. С её точки зрения, причина – в характере любимого, в его взглядах на жизнь: *«И люблю, и печалюсь, // что с тобой повстречались. // Ты мне – стены да крыша, // чтоб ни дальше, ни выше, // чтоб ни солнца, ни ветра, // чтоб от дома – ни метра! // Говорю тебе честно, // что любви моей тесно, // ей тревожно и душно, // ей не этого нужно. // Слышишь, громы грохочут? //*

² Продолжение. Начало см. «На русских просторах» № 2 (29) 2017 г.

Их любовь моя хочет! // Слышишь, песня поётся? // К ней любовь моя рвётся!». Она ещё раз убеждалась в правильности выбора: разорвать нити этой любви. *«Ты, как мальчишка прост и прям в любви: // Ни шагу вправо и ни шагу влево. // В любви тебе нужна не королева, // а прямота ладьи».*

12 января 1957 года в письме университетской подруге она писала: «Живу с ещё не прошедшей болью в сердце, с не прошедшей любовью, которую надо сломать, потому что она всё равно урод, и не имеет права на жизнь». И, хотя расставлены все точки, но сердце продолжало болеть, и это выражалось в стихах: *«Хочу я друга сильного и нежного, // хочу, чтоб сердце к сердцу путь нашло, // но не забыть потерянного, прежнего, // и оттого так тяжело».* Она вновь и вновь писала о любви: *«Ты мягок, застенчив, робок».* Но, мучаясь сомнениями, тревожилась: *«Смотрю на тебя с тревогой: // не сдашь ли на первом марше»?* И только отъезд из Хабаровска разорвал мучительную связь. Об этом прощальное стихотворение. Она навсегда расставалась с Дальним Востоком, с его дивной природой, с Хабаровском, Совгаванью: *«Прощай! Кричу всему, что остаётся».* Отдельная строфа посвящена любимому: *«Он был из тех, кто в воздухе над морем – // на золотом погоне – синий кант. // Выходит, слава утешает слабо. // Пудивляйся: «Пробивная баба!» // О, я пробьюсь! До самого Генштаба! // Но ты – прощай. Прощай, мой лейтенант!».*

Римма формировалась как лирический поэт, и основной темой её поэзии становилась любовь. На Дальнем Востоке она обрела первый опыт взрослой любви, пережила разочарование и поняла – объект любви может быть несоразмерен личности любящей женщины. И такая любовь неизбежно терпит крах: лучше разорвать отношения сразу, не растягивать обречённую связь на годы. Пережить сердечные страдания помогала поэзия. Она много писала, готовила к изданию первую поэтическую книжку. Колесила и летала по безбрежному краю, не отказываясь от любых командировок.

В 1956 году в Хабаровск приезжала группа столичных писателей, и среди них – поэт военного поколения Николай Доризо. Римма читала им свои стихи. Они тронули московских гостей, и Доризо обещал увезти их в Москву и напечатать в «Литературной газете». И, действительно, 4 сентября 1956 года в «Литературной газете» в рубрике «Доброго пути!» появилась публикация «Стихи Риммы Казаковой» с напутствием Николая Доризо. Поскольку эта первая всесоюзная публикация молодого автора в главном печат-

ном органе Союза писателей СССР, остановимся на ней подробнее. «Первые стихи ещё совсем молодой поэтессы Риммы Казаковой, приехавшей на Дальний Восток из Ленинграда, порой несовершенны, но это стихи с настоящей поэтической искрой», – так начал Доризо благославляющее слово. Он отметил главную черту её таланта: «Не только увидеть, продумать, а именно – пережить. Дело не только в её искренности, но и в умении сказать правду». Писатель процитировал начало одного из стихотворений Риммы: *«Вы не стояли на распутье, // когда однажды и навек – // решить обязан человек, // кто он: работник или трутень?»*. Доризо усмотрел в этих строчках, с одной стороны, искренность намерений, а с другой – неточность: в реальной жизни всё сложнее. «Если человек не работник, а трутень, он вряд ли признается в этом самому себе. Наоборот, он постарается оправдаться и перед собой, и перед другими». В то же время автор отметил: «Как хорошо говорит Казакова о смелости: *“Она - не только не умелость // на всё решившейся мечты, – // в ней есть и сдержанность, и скромность, // и даже робости черты”*». И далее: «Здесь – правда, здесь – жизнь, что даже не чувствуешь формы, не чувствуешь, что это сказано стихами». Особенно ему понравилось стихотворение «Подснежник». «Под этим стихотворением могли бы подписаться многие. Кто из нас не мечтал и не мечтает найти свой подснежник». Оно кончается такой строфой: *«Я верю! Хоть нельзя проверить, // найти и к сердцу приложить... // Мне - просто нужно в это верить, // чтоб ждать, мечтать и честно жить!»* Доризо привёл полностью это стихотворение с комментариями, как и два других «Легко мне», «Я в отпуск поеду». Отметив: Римма «много и щедро пишет и не всегда по значительному поводу; есть в её стихах камерность и легковесность», и что всё это «от поэтической молодости», – он заключил: «Но меня радует определённость её поэтического характера... Пусть, собираясь в нелёгкую дорогу, она строго пересмотрит свой поэтический багаж. Отбросит мелочи, возьмёт лишь – значительное. И пусть откроется перед ней своя “за далью даль”! Хочется от души пожелать ей доброго пути!». Римма с благодарностью восприняла эту профессиональную критику и добрые напутствия.

Под впечатлением от внимания и благосклонных отзывов московских поэтов Римма отправила в журнал «Юность» большую подборку стихов. Поэт-фронтовик Николай Старшинов в середине 1950-х годов заведовал там отделом поэзии. В его руки попал этот конверт из самотёка – не по чьей-то рекомендации, не

по протекции. Николаю Константиновичу стихи незнакомки из Хабаровска понравились. Вопрос о представлении на страницах «Юности» неизвестных авторов решал, как правило, главный редактор. «Сложнее всего в журнале было с публикацией стихов, присланных из провинции. “Протащить” их в номер было очень сложно», – вспоминал Старшинов. Он показал стихи дальневосточной поэтессы главному редактору Валентину Катаеву и получил разрешение. Катаев доверял вкусу Старшинова. Как отметил Евтушенко: «Валентин Катаев (главный редактор журнала «Юность» в 1955–1961 годах) был крёстным отцом всех шестидесятников». Подборка Римминых стихов вскоре появилась в журнале: «Скучаю я по-новому, // по воздуху сосновому, // по зарослям даурским, // по заводям амурским. // Ведь юность, если строго, // она всегда – дорога. // Пусть мучась, беспокоясь, // ведь юность – это поиск». «В стихах этих выражалось, – размышлял Старшинов, – желание взять большой груз на плечи, жить, мучаясь, беспокоясь», потому что «юность – это поиск». Он отметил в этих ранних стихах «непосредственность юношеского дневника, где она исследует себя».

Римма в письме поблагодарила Николая Константиновича. Вскоре выяснилось: в войну юный Старшинов был курсантом в том самом училище в городе Глазове, где работала её мама. В Глазове жила тогда и юная Римма. Талантливый поэт-фронтовик вспоминал: «Былое – как во сне, // как из чужих рассказов. // Но грех не вспомнить мне // Удмуртский город Глазов, // тебя река Чепца, // сугробы на привале. // Меня здесь, как бойца, // три месяца ковали». Спустя годы Римма работала со Старшиновым в Пушкинском комитете, проводила вместе с ним поэтические праздники в Михайловском в день рождения классика; была членом редколлегии ежегодного альманаха «Поэзия», который с 1972 года он возглавлял. Этот альманах и деятельная поддержка молодого поколения Николая Константиновича выпестовали целую плеяду талантливых поэтов. Когда Николай Дмитриев, ставший, спустя годы, общим учеником Старшинова и Казаковой, авторитетным поэтом (в память о нём сейчас проводятся в Подмоскovie литературные чтения), в семнадцать лет послал Римме четыре стихотворения, то вскоре получил письмо от известной писательницы. Римма однажды призналась ему: «Я бы тебе не стала отвечать, если бы не пример Старшинова». Уже в зрелые годы, судя по стихам Риммы, они с Николаем Константиновичем много говорили о поэзии. Стихотворение, посвящённое

Старшинову, стало программным для творчества поэтессы: «Пу-
скай не толще волоса, // но – твой, и этим нов, – // не пой
с чужого голоса!» – // сказал мне Старшинов. // “Пусть на
крупницу малую, // на толику её, // пускай не запеваю, // но
главное – своё...” // Похожий на ровесника, // до ужаса худой,
// учил он добро, весело // наш выводок молодой. // К сочув-
ствию и действию // сердца устремлены: // ведь душу эту
детскую // он вынес из войны... // И стало просто совестно,
// не зная, не любя, // молоть с чужого голоса // про жизнь
и про себя. // Мы шли путями разными // так много долгих
лет. // Звенели наши праздники, // тускнели дни от бед. //
За что дрались, что грезилось, // на совесть, не на страх //
трепещущее прорезалось // и в наших голосах. // И не дано
отчаяться, // и дрогнуть не дано. // И хором получается, //
и с кем-то заодно. // Когда ж в обнимку с лирою // в трансля-
ции прямой, // коль есть нужда, солирую, // мой голос – тоже
мой. // Но чуть сфальшивлю – колетса, // царапает, болит:
// “Не пой с чужого голоса!” – // так Коля нам велит».

В откликах на публикацию в «Юности» читатели писали в журнал: «Главное в стихах Риммы Казаковой – живые люди, с ко-
торыми она встречалась, сама жизнь». В стихах о любви отмечали
непосредственность автора, нежное и высокое чувство. Понрави-
лись стихи о прошедшей войне и её главных героях – солдатах:
перед ними все мы в долгу – «у отделений, спящих на снегу, //
у патрулей, нарядов, постовых, // – у всех бойцов – и мёрт-
вых, и живых». Позднее ленинградский поэт Илья Фоняков от-
мечал: «Первыми стихами она покорила читателей предельной
искренностью и душевной открытостью». У неё «особая откры-
тость души – захлёбывающаяся, безоглядная, беззащитная и тем
подкупающая». – «Люби меня только, только люби!» – воскли-
цает поэтесса. – И – «лучше неправильная любовь, чем никакой.
Лучше страдать от любви, чем страдать без любви. Нет любви – и
говорить опять же не о чем. И стихи, особо интимные, вызыва-
ли отклик читателей. Диапазон её поэзии смолоду был широк и
многообразен. Множество читателей той поры узнавали себя в её
стихах и шли на поэтические встречи».

Публикации в журнале «Юность» подарили молодой по-
этессе общесоюзную известность. Вскоре стихи напечатал А.Т.
Твардовский в журнале «Новый мир». Имя Риммы Казаковой
появилось на страницах литературных «толстяков». «Мне повез-
ло, – писала она подруге в очередном письме. – Это были самые

популярные и престижные журналы советского времени. И, что особенно приятно и вселяло надежды, – стихи были выбраны из потока».

«Я иду и не гнусь – подо мной мои прежние травы...»

Римма провела в Хабаровске около семи лет. Когда, спустя годы, её спрашивали, почему надолго она задержалась в Хабаровске, она отвечала – понравился Дальний Восток, здесь её активно печатали, появились друзья, она даже решила продолжить учёбу, сдала кандидатский минимум, чтобы поступить в аспирантуру. Помимо лекторской работы, сотрудничала с местной прессой, киностудией и телевидением. «Я работаю на киностудии, но это, как чувствую, очередная боковая дорожка. Участвую в создании документального кино, в частности, киножурнала “Дальний Восток”», – признавалась Римма в письме к подруге 24 августа 1959 года. Но главное для молодой поэтессы, как она сама теперь считает, – стихи. И в них она размышляла над окружающей жизнью, своим будущим. Римма понимала – Дальний Восток давал ей пищу для творчества, служил источником вдохновения. Она итожила жизнь на Дальнем Востоке: «У меня характера не было. Появился характер». Она приобретала бесценный опыт, сформировалась её личность. В то же время она понимала: в Москве – настоящая литературная жизнь. Она много читала, выписывала «толстые» журналы, популярную тогда «Юность», где активно печатали молодых. Знала стихи Евтушенко и Вознесенского. Любила военных поэтов.

Летом 1957 года в Хабаровск прилетел Евгений Евтушенко. Он описал встречу двух поэтов: «Первый раз я увидел Римму Казакову в 1957 году в Хабаровске, где она возникла передо мной в белых носках и баскетбольных кедах, в клетчатой ковбойке и короткой (по тем временам) юбке. Она стремительно шагала по набережной Амура. Мы оба были немножко влюблены друг в друга; она – даже до того, как увидела меня вживе, а только читала некоторые мои стихи, но главное мы были влюблены в жизнь и в нашу решимость переделать её к лучшему. Сомнений в собственных силах и надеждах у нас не было. Мы были счастливы уже тем, что встретились, а больше всего нас объединяла поэзия. Нас сближали не меньше, чем любовь, – костры в тайге, палатки, общие любимые книги, общие враги: бюрократия и цензура». С этого знакомства начались многолетние дружеские отношения двух

поэтов-шестидесятников. Отношения менялись и развивались, становясь то тёплыми и доверительными, то вдруг прерывались и «охлаждались». Много позже Евтушенко сказал: «Римма, ты меня никогда не предавала». И это правда!

Публикация стихов Р. Казаковой в журналах «Юность» и «Новый мир» позволила московскому критику Д. Старикову выступить в «Литературной газете» 17 октября 1957 года с большой статьёй «На добром пути». В ней он анализировал творчество молодых поэтов из глубинки: хабаровчан – Павла Халова с его уже известной знаковой строкой «Если я промолчу...»; Риммы Казаковой с её страстными стихами об Охотском побережье; добротными стихотворениями о трудовых буднях Алексея Люкина, нижегородца. В их творчестве критик подробнее остановился на теме труда, сравнив стихи этих поэтов, отмечая достоинства и недостатки. Их стихи он ставил в пример новому поколению молодых и «ополчился против тех, кто отошёл от современности», осуждал их «нигилизм и растерянность». Видимо, с эпохой оттепели он связывал растерянность в рядах «иных поэтов». В стихах Р. Казаковой «Другу», «У огня», «На пороге» критик отмечал умение выпукло изобразить сильный характер рабочего человека. При этом подчёркивал: пока эта тема воплощена «преимущественно в обобщённом виде; скорее сердцем и умом, чем образным видением жизни; тема прочувствована и понята, но ещё не отражена в поэтически зримых конкретных чертах и деталях». Далее он писал: «Новые стихи Риммы Казаковой (упомянув и статью Н. Доризо, и публикацию в «Юности») – при всех их слабостях – явление примечательное и интересное. Молодая поэтесса прочно встала в добрый путь, и, хотя делает она по нему ещё не слишком удачные шаги, нельзя не приветствовать её стремление идти в ногу с нашей жизнью, нельзя не радоваться, что полку молодых, боевых советских поэтов прибыло!».

В 1957 году Римма впервые после окончания института поехала в отпуск к родителям в Ленинград. Этому событию она посвятила стихотворение: «Я в отпуск поеду на Северо-Запад, // где плещет родное Балтийское море». Она предвкушала встречу с родными, с друзьями юности, с родной природой и признавалась: «...дней этих ждёт с нетерпением и жаждой», но заранее предчувствовала: «И как прибалтийский свой край ни люблю, // должно быть, уеду, не выдержав срока... // Так властно меня позовёт Приамурье, // Хабаровск, просторное небо Востока». Её душа ещё не насытилась суровой и интересной жизнью, она с

радостью писала: «Мне опять на Восток», – куда её тянули полюбившиеся просторы: «Сердце рвётся туда. // Сердце снова в пути». «А поеду я в сопки, на Дальний Восток. // Мне нужны эти сопки в закатном огне, // чтоб весенние соки не сохли во мне. // Мне нужны эти сопки – высоты мои».

Несмотря на радость встречи с родными, Римма по-настоящему расстроилась. Старел и болел любимый отец. Именно тогда она заметила: за прошедшие годы он резко сдал и стал беспомощным. Встреча с ослабевшим отцом отозвалась в одном из пронзительных и сердечных стихотворений в сборнике «В тайге не плачут»: «Под одною крышею со мной, // на зелёной улице земной, // доживает годы в тишине // человек, убитый на войне». Она описала, как доживает «дорогой товарищ комиссар»: «Он живёт! – хотя и не живёт. // Говорят безжалостно врачи: // всё равно – лечи иль не лечи». И, хотя он ещё «по возрасту не стар»: «но на той, на горестной войне, // на чужой далёкой стороне, // в тысячном каком-нибудь бою, // ты погиб за Родину свою... // Долгим взглядом за моей спиной // мой отец прощается со мной». К размышлениям о судьбе отца Римма возвратилась в 2005 году, опубликовав в газете «Московский комсомолец» стихотворение, посвящённое его памяти: «В юности мне ставили в вину, что мои стихи всегда печальны...». Поэт пытается объяснить читателю, почему она пишет «про любовь, как будто про войну». Она хотела разобраться, почему её стихи по-настоящему грустны? Начала с войны: «Вспоминаю: кончилась война, // но меня лишь смутно грело это». И дальше: «Да, отец вернулся. // Но не к нам, // а к своей возлюбленной блокадной». Оказалось: у её любимого отца – походная жена – актриса, и у них родилась дочь. Он навестил семью, оставил чемодан подарков и ушёл. «Мать слегла без сил // и в слезах шептала: “дети, дети!” // После всё слепилось кое-как. // Здравый смысл вернул в семью порядок». Отец вернулся и доживал жизнь в прежней семье. Но из семейных отношений исчезла искренность, появились фальшь, ощущался постоянный страх матери остаться с детьми одной, исчезло искреннее, неподдельное веселье. Римма вспоминала: «Мамино отношение к отцу превратилось в смесь любви, лицемерия и страха перед жизнью. В доме было беспокойно, родители постоянно выясняли отношения».

Римма жалела страдающую мать, атмосфера в семье её тяготила и укрепляла желание уехать из дома после окончания университета. «Я не виню отца за военную жену. Война, так сложи-

лось. Отец повёл себя порядочно: записал дочь на себя, помогал ей материально». Римма познакомилась с сестрой только в 2001 году. Тогда они вместе с университетской подругой путешествовали по Скандинавским странам, а затем дней десять прожили в Петербурге, где и произошло знакомство. Съездили на могилу отца, за ней ухаживала сводная сестра. В печальном 2008 году она приехала на похороны Риммы в Дом литераторов. В одном из интервью Римма сказала: «Я любила отца, была к нему особенно привязана, наверное, ещё и потому, что в самые ранние мои годы мама болела, и первые руки, которые меня пеленали и укладывали спать, были руками отца». В стихотворении Римма так объясняла свою печаль: грехи тяжкие, разочарование в идеалах, постоянная ложь вокруг: *«и так много горького в народе. // Оттого в стихах с младых ногтей // след печали беспричинной вроде»*. И всё же Римма оставалась оптимисткой. Отвечая на вопрос, как жить дальше, она заканчивала стихотворение девизом, которому стремилась следовать всю жизнь: *«быть собой и не врать. // И при любом раскладе // просто так, а не чего-то ради // – откликаться на любую боль»*.

В 1959 году Ф.Л. Казаков скончался. Его похоронили в Ленинграде на Северном кладбище, на Коммунистической площадке. Вскоре Римма подвела итог его трудной жизни: *«У меня был отец, // в меру ласков и в меру суров. // От него нам досталось! // А с эпохой они понимали без слов. // Где отец мой? / Болезнь, старость, смерть»*. В письме подруге Римма писала: «Я и в этот год выжила потому, что были стихи и очень хорошие друзья».

После выхода в 1958 году в Хабаровском книжном издательстве первой книжки стихов Риммы Казаковой «Встретимся на Востоке» местные критики опубликовали рецензию, обвиняя автора в отходе от марксизма и следовании европейскому социал-демократу Э. Бернштейну, провозглашавшему: «Движение – всё, конечная цель – ничто». Казакова в стихах писала: счастье – в поиске. Критики делали вывод: автор воспевала движение в никуда, а не в светлое будущее – коммунизм, как было принято в то время. Обвинение в ревизионизме расстроило поэтессу больше, чем обвинения в «смелых» откровениях в стихах о любви, и на следующий год в Москве, встретившись с Твардовским, она показала ему эту рецензию. Римма вспоминала: «Александр Трифонович любил меня, когда я ещё жила в Хабаровске. Он вообще любил тех, кто жил в глубинке, и следил за ними». Прочитав рецензию, главный редактор журнала «Новый мир», знаменитый поэт рассмеял-

ся и рассказал ей историю, как он, надев новые брюки, пошёл в газету «Правда», куда отнёс стихотворение «Московское утро» и где обещали его напечатать. Пришёл в новых штанах, а стихи не напечатали. Отказали. Он и посетовал: «Зачем же я новые брюки надел?» Этот рассказ развеселил и утешил юную поэтессу, и она подумала: «Если даже у великого Твардовского так бывает, то, что же мне-то говорить?». Теперь, когда кто-то жаловался на неудачу, она вспоминала слова Твардовского: «Зачем же я новые брюки надел?». Твардовский однажды неожиданно спросил Римму: «"Как ваше отчество"? Она удивлённо ответила: "Александр Трифонович, я ведь ещё молодая, и меня никто не называет по отчеству"». Твардовский возразил: надо с самого начала «добиваться уважения и серьёзного отношения от окружающих. Сегодня – вы без отчества, завтра – без отчества... А послезавтра уже захотите, а никто никогда не будет называть вас по отчеству». Вот такой необычный совет дал ей великий поэт во время первых встреч. Вспомнил он и одного из своих деревенских земляков, который с пяти до восьмидесяти лет так и остался Ванькой для окружающих.

Вскоре Римма познакомилась с новым главным редактором журнала «Дальний Восток» Владимиром Туркиным. Он – старше Риммы, прошёл войну, писал стихи, считал её талантливой, печатал её стихи в своём журнале, поддерживал молодую писательницу. Тепло и уважительно относясь к поэтессе, дал ей рекомендацию в Союз писателей. 1959 год стал для Казаковой знаменательным. Хабаровское отделение Союза писателей послало её на Всесоюзную поэтическую дискуссию в Ленинград. Здесь Римма познакомилась с известными поэтами: Михаилом Светловым, Виктором Боковым, а главное – со сверстниками: Б. Ахмадулиной, А. Вознесенским, Р. Рождественским. Участвовали в этом форуме Е. Евтушенко, Б. Окуджава. Позднее в письме от 24 августа она сообщала о ещё более важном событии: «В апреле этого года меня приняли в члены Союза писателей СССР, – и скромно добавляла, –...была я на съезде писателей в Москве. Но это всё формальные вещи. По существу я у истоков, ничего ещё не сделано. Будем жить, и бороться, и мечтать». Она тогда не написала о печальном и важном для нее событии: руководство Хабаровского отделения Союза писателей РСФСР, зная о её поездке в Москву, где молодого поэта должны утвердить в членах Союза писателей СССР, послало на имя Сергея Михалкова письмо с просьбой: повременить с утверждением Р. Казаковой членом творческого Союза. Обо-

сновывая странную, на первый взгляд, просьбу, дальневосточные коллеги сообщали московским писателям: молодая поэтесса Римма Казакова осмелилась критиковать книгу В. Кочетова «Братья Ершовы». Этот прозаик считался признанным мэтром, и критика его творчества, да ещё со стороны начинающей писательницы, считалась недопустимой. Римма вспоминала: после её критического выступления «двое в штатском пообещали поговорить со мной в другом месте». Позже, в одном из интервью она рассказывала: «В 1959 году я была в Москве, и меня пригласили в секретариат Союза писателей СССР на ковёр. Положение спас Сергей Владимирович Михалков. Он спросил меня, что же произошло? Я не успела рта открыть, как он прервал меня и громко произнёс: «Если мы не будем принимать в Союз писателей молодых только потому, что они нас критикуют, я тогда не знаю, что будет! Я предлагаю принять Римму Казакову в Союз писателей. Меня приняли, не разбираясь с письмом из Хабаровска. Проголосовали единогласно. Михалков хоть и вписан был в систему, но он много доброго сделал». Так в 1959 году Римма Казакова стала членом Союза писателей СССР.

«Пью эту горькую, эту целебную воду, сладкую, вечную, талую воду любви...»

В одном из писем 1959 года Римма признавалась подруге: «Личная жизнь? Она была пёстрая и трудная. Этой весной я узнала счастье настоящей взаимной любви. Он писатель. Фамилия его Гранин, зовут Даниил Александрович». Они много гуляли по Москве. Римма рассказывала новому другу о Дальнем Востоке, об интересной и трудной жизни, читала ему стихи. Разговор оказался интересным для каждого из собеседников: «Он – прекрасный, умный, талантливый, мужественный», – писала она в очередном письме. На её пути встретился интересный человек, высокий сорокалетний красавец. В 1940 году Гранин окончил электромеханический факультет Ленинградского политехнического института. С первого дня войны ушёл добровольцем в ополчение, воевал на Ленинградском фронте, был ранен. Завершил Отечественную войну в Восточной Пруссии командиром роты тяжёлых танков, награждён боевыми орденами. Писать начал в середине 1930-х годов, и первые его рассказы напечатал журнал «Резец» в 1931. Известность приобрёл после романа «Искатели», опубликованного в 1955 году. Настоящая фамилия автора романа – Герман, но, по

просьбе писателя Юрия Германа в 1949 году он взял псевдоним – Гранин. Римме казалось – наконец, она переживает любовь к умному, одарённому человеку, равному ей по интеллекту, превосходящему по жизненному опыту (он прошёл войну). Как и она, он входил в то время в литературу. Даниил Гранин, по её мнению, тоже романтик: «Он протацил меня на писательский съезд, где я увидела весь цвет тогдашней литературы, своих кумиров». На стенде в «Литературной газете» прочитала стихи Вознесенского о мастерах поэзии. Стихи Римме понравились, и она сочла нужным ответить стихотворением «Подмастерье». Оно посвящено Андрею Вознесенскому. В этом стихотворении автор сформулировала своё поэтическое кредо той поры. Она себя ещё не ощущает мастером, а только мечтает стать подмастерьем. *«Хочу всегда быть подмастерьем // с большими, ладными руками. // Пускай мне ночь пожётче стелет, // а утро будит петухами»*. Стихи написала в этот же день и показала новому другу – Гранину. В письме подруге она признавалась: «Люблю его очень. Возможно, мы будем мужем и женой». Римме казалось: он ответил взаимностью на её искреннее чувство. Она верила: Даниил Александрович составит её женское счастье. «А если нет – сердце моё навсегда сохранит бесконечную благодарность за эту святую весну, за счастье, которые согрели меня и дали силы на будущее», – заканчивала она письмо.

К сожалению, счастье не состоялось. В домашнем архиве одного из авторов этой книги сохранились её письма этого периода и более четырёх десятков интервью различным газетам, журналам разных лет. Иногда ей задавали вопрос: «Я слышала, что у вас была любовь к какому-то крупному писателю?». Римма отвечала неопределённо: «Что было, то прошло». Лишь однажды, беседуя с журналистами, она вспомнила Гранина – в интервью журналистке Татьяне Петровой, опубликованном через несколько месяцев после её кончины. Встретилась она с Риммой незадолго до её ухода из жизни. На вопрос: «Не все мужчины любят женщин с характером, и отразилось ли это на вашей личной жизни?». Римма ответила: «Конечно. С первым мужем (писателем Георгием Радовым) я познакомилась в Доме творчества “Малеевка”, где и произошла встреча этих двух мужчин». Радов – именно в Малеевке – начал ухаживать за Риммой. Будущий муж знал о чувствах Риммы к Даниилу Гранину, но «не побоялся пригласить его и меня в ресторан. Мы сидели за столом, я глядела на них обоих и понимала, что люблю не будущего мужа, а другого человека. Он был серьёзно

увлечён мной, но не смог уйти из семьи, и после этого случая прислал мне письмо: “У жены стенокардия, у меня предынфарктное состояние, дочку жалко”. Он не рассчитал сил, я вышла за Радова». Были ли потом встречи с Граниным? Были, но странные. Однажды увиделись за границей. «Он признался, что любил только меня. “Любил бы, женился”, – сказала я холодно». Потом встретились в Доме творчества – «я была беременна». Когда в третий раз увиделись на лестнице в Союзе писателей, Римму сопровождал маленький сын Егор. «Великий писатель посмотрел на него растерянно и, наверное, подумал: “Это мог быть мой ребёнок”... Я всё ему простила».

В книге – размышлении «Причуды моей памяти» (2008) Даниил Гранин – писатель так прокомментировал несостоявшееся счастье: «Я теперь не понимаю, чего я боялся, допустим, в пятидесятые годы? Чего я боялся? Страхи у нас многое отняли. Я не понял, почему я так примитивно и грубо, и неполно любил? Теперь только я понял, как я не понимал себя. В итоге жизни получается всегда величина отрицательная, потому что... человек всегда больше, чем жизнь. Возможно, есть какие-то случаи более счастливых дробей».

1960 – 1975:

«ХОРОШО ТЕБЕ СЛУЖИЛОСЬ, НО ХОРОШО ЛЬ ТЕБЕ ЖИЛОСЬ?»

«...Всем, что есть на свете лучшего, я поверила в тебя...»

1960 и 1961 годы стали для Риммы переломными – и в творческом плане, и в женской судьбе. Ранней весной 1960 года Римму пригласили на семинар молодых поэтов, где она познакомилась не только со сверстниками, но и с поэтами-фронтовиками – Михаилом Лукониным, Давидом Самойловым, Ярославом Смеляковым, Александром Межировым. В это время молодая поэтесса готовила новый сборник стихов: его редактором стал поэт-фронтвик Михаил Луконин. Это для неё особенно важно: поэты военного времени – её кумиры. Вышел второй сборник стихов «Там, где ты» в московском издательстве «Советский писатель», в серии «Библиотека избранной лирики». Семинар проходил в начале марта в Малеевке, в Доме творчества Союза писателей СССР.

Первая командировка и первая встреча с подругой после окончания университета совпала с этим событием. (После пяти

лет работы на Урале подруга вышла замуж и уехала с мужем в Якутию). Она сообщила Римме: прилетела в Москву и сразу получила приглашение в Малеевку. Римма жила в небольшой комнате, где поселили и её подругу. В первый же день после ужина в клубе на вечерние посиделки собрались почти все участники семинара. Пели песни, танцевали, разыгрывали какие-то призы. Подруга была в «интересном» положении, участия в танцах не принимала, а сидела в сторонке, но все призы за песни и танцы презентовали ей; ими оказались детские игрушки. Всё это выглядело весело и смешно. Римма познакомила гостью с несколькими писателями. Среди них Тая увидела Георгия Георгиевича Радова – крупного высокого мужчину с пышной шевелюрой седеющих волос, с выразительной интересной внешностью. Характерное, словно «вырубленное» из глыбы мрамора, скульптурное лицо. Он проявлял к Римме явный интерес. После посиделок, когда подруги вернулись в номер, в дверь постучали, и раздался голос Радова: «Риммочка, твоей гостье очень полезно перед сном прогуляться». Так галантно он пригласил их на прогулку. Погода стояла хорошая. Подруга оказалась невольным свидетелем начинавшихся взаимоотношений двух сильных творческих личностей. Радов понравился гостье – интересный мужчина и собеседник. Она провела в Малеевке три дня. Римма провела их с подругой, пренебрегая семинаром, – первая встреча после окончания университета, разговоры продолжались часами, с перерывами на сон. Все три вечера Георгий Георгиевич приглашал женщин на час – полтора прогуляться. Писателя интересовал рассказ гостьи: она прилетела из Якутии, где в то время разворачивалась эпопея – создавалась отечественная алмазодобывающая промышленность, и жизнь начиналась с палаток.

Римма уехала вместе с подругой из Малеевки в Москву, сняла номер в гостинице «Украина»: они провели ещё одни незабываемые сутки, прежде, чем Римма проводила гостью на самолёт. В конце 1960 года в письме она сообщала: «Я фактически вышла замуж за Радова. Он тогда ещё в Малеевке сделал мне предложение. Я думала – трёп. Да мне и не до него тогда было». Последняя фраза в письме свидетельствовала: её чувство к Гранину не прошло и позднее, возможно, стало причиной трещины во взаимоотношениях с Радовым.

Все последующие события, связанные с её замужеством и непростой семейной жизнью, свидетельствовали: Радов влюбился в молодую женщину, сделал ей предложение, хотя и не был

Римма Казакова с мужем Георгием Радовым

в то время разведён с первой женой – в первой семье у него росли дочь и сын. Он работал в эти годы заместителем главного редактора «Литературной газеты», возглавляемой Сергеем Сергеевичем Смирновым. Радов – авторитетный журналист и писатель-деревенщик, кумир всей

советской журналистики 50–70-ых годов прошлого века. «Литературная газета» в то время – одно из популярных и боевитых изданий писателей огромной страны – гордилась миллионными тиражами. С ней сотрудничали блестящие журналисты и писатели Анатолий Стреляный, Сергей Залыгин, начинали публиковаться Юрий Черниченко, Александр Борщаговский, Наталья Некрасова. Радов любил своих авторов, отважно противостоял цензуре, не давал уродовать их тексты. Это были последовательные борцы за правду, одарённые журналисты, и среди московской писательской общественности они пользовались авторитетом. Газета справедливо считалась самой смелой, и Радов иногда рисковал должностью. «Работать с ним было замечательно, легко. Самая большая радость в моей жизни – это была работа с Радовым», – вспоминали его соратники. Журналисты – «деревенщики» организовали на телевидении передачу «Сельский час», имевшую большой успех. У Радова оказалось удивительное чутье на всё новое и прогрессивное в сельском хозяйстве. Примером может служить его поддержка опыта создания животноводческих комплексов в колхозе имени Фрунзе Белгородского района. Когда он узнал, что в 1971 году этот колхоз продал государству 35 центнеров отменной свинины – в четыре раза больше, чем сдавали все хозяйства района и получили невиданную прибыль, то немедленно отправился в это хозяйство. Альберт Сёмин, глава района того времени, а ныне доктор сельскохозяйственных наук, вспоминал: «Радов трудился до изнеможения, как одержимый: днём ездил по хозяйствам, а ночью писал. Одним из первых среди публицистов-деревенщиков он поверил в специализацию. Он очень продуманно, увлечённо рассказывал о нашем опыте, убеждая в правильности избран-

ного пути. Он не только описывал обстановку, но анализировал и сопоставлял, делая неожиданные выводы». На следующий год Радов привёз в район группу молодых кинооператоров и снял документальный фильм, который показали министру сельского хозяйства. После просмотра фильма министр дал указание удвоить число копий и показать во всех областях и республиках Союза. «Популярность Радова к тому моменту, – вспоминал А. Сёмин, – была очень большой. Его уважали не только читатели "ЛГ" и других изданий, но и журналисты, только начинавшие свой путь. Он был образцом для подражания». Он создал на центральном телевидении авторскую программу «Рассказы о хозяевах». Передача с восторгом воспринималась телезрителями. «Он брал правдивостью, глубиной, эмоциональностью».

В марте 2015 года в Доме литераторов состоялся вечер памяти, посвящённый столетию со дня рождения Георгия Георгиевича, организованный его сыном от первого брака – Александром Радовым, продюсером телефильмов. Сын собрал наиболее значимые сочинения отца и издал их в семисотшестидесятистраничном томе под названием «Гречка в сферах», подаренном каждому участнику памятной встречи. На этом вечере коллеги выдающегося публициста говорили о том, что в 1950 – 60-е годы Радов не просто писал о бедах и победах крестьян, он размышлял и анализировал их причины, и «начинал писать правду тогда, когда писать так было нельзя, но и было не принято». В этом его отличие не только от журналистов, но и писателей-деревенщиков: «можаевско – абрамовской прозы, которая вышла из радовской шинели», – утверждал писатель, главный редактор издательства «Художественная литература» Георгий Пряхин. Появившийся в то время сборник рассказов Георгия Радова «Председательский корпус» поразительным образом продемонстрировал не только литературный дар автора, но и его гражданское мужество. Искренняя вера в светлое будущее и память о победе в Великой Отечественной войне придавали смелость поколению послевоенных журналистов. Писатель Анатолий Макаров на этом вечере с иронией отмечал: «Какое в прошлом у нас было прекрасное будущее!». Выступающие утверждали: Радов в любой ситуации оставался отважным бойцом. Он и в жизни среди сельских руководителей колхозов, совхозов искал и поддерживал творческие личности в сельском хозяйстве и часто сражался за их судьбу. Его прозорливость, здравые и убедительные аргументы «оплодотворяли» тогдашнюю аграрную политику и «даже находили отраже-

ние в материалах проходивших пленумов ЦК КПСС по сельскому хозяйству», – утверждал Георгий Пряхин.

Римма не раз отмечала: «Радов несправедливо забыт в 80-ые годы, но он – крупный писатель и талантливый журналист. Это был умнейший человек, замечательный товарищ, прекрасный публицист». Когда Смирнова назначили главным редактором «Литературной газеты», и он формировал руководство редакции, он сразу же предложил Радову должность заместителя по вопросам внутренней жизни страны. Назначение на столь серьёзную должность исключённого из партии журналиста потребовало от редактора больших усилий. У Радова, мужественного, но обиженного жизнью, а иногда и властью человека, за плечами оставалась непростая и суровая жизнь. Его дед Джордж Уэлш – англичанин, ещё до революции прибывший в Россию работать на заводе Хьюза. Он женился на русской девушке из знаменитого рода Демидовых. От этого брака родилась дочь Римма Георгиевна, выросшая романтической девушкой и писавшая стихи. 16 августа 1915 года вне брака она родила сына, которому дала имя Георгий, а отчество – Георгиевич, фамилию – Вельш (возможно, ирландскую, её носила мать). Римма оставила новорожденного мальчика у тётки и уехала на фронт, где в 1916 году умерла от тифа. Мальчик-сирота рос в тяжелейших условиях революции и гражданской войны. Его родственники попытались в 1922 году эмигрировать в Дублин, но по каким-то причинам это не получилось. В станице Новотиторовской на Кубани он окончил среднюю школу и ещё школьником успешно сотрудничал с газетой политотдела МТС. До начала Великой Отечественной войны в 1938 году Радов окончил Коммунистический институт журналистики в Ленинграде. Его направили на работу в областную газету «Курская правда». С первых дней войны его призвали в армию фронтовым корреспондентом. Георгий прошёл всю войну, имел чин капитана, получил боевые награды. В партию вступил во время войны. Ещё до войны женился на эстонке Софье Порк; в семье росли дочь Ирина и сын Александр. После войны его семья жила в Курске, и Радов (это его псевдоним, который он взял ещё в юности) работал главным редактором областной газеты «Курская правда». Под его руководством она стала одной из лучших провинциальных газет, отличаясь особой боевитостью. Его поддерживал первый секретарь обкома. Радова даже избрали депутатом Верховного Совета РСФСР от Курской области. В 1949 году секретаря обкома сняли и стали выживать из руководства тех, кто составлял его команду. Под раздачу по-

пал и главный редактор областной газеты. Не обошлось и без завистников, раскопавших его родословную. Оказалось, что его дед англичанин – значит шпион. Поводом для увольнения послужил конкретный факт: Радов без согласования с руководством продал принадлежащий редакции брезент и купил на эти деньги для нужд газеты машину «Победа», чтобы более оперативно ездить по районам. Талантливого журналиста сняли с занимаемой должности и исключили из партии. Конечно, продажа брезента – это предлог. Главное – он оказался неудобен из-за своей бескомпромиссной позиции для нового партийного руководства Курской области. Это произошло в 1949 году.

Для молодого журналиста случившееся стало огромным ударом. Искренне преданный идеям партии, он всю предшествующую жизнь боролся за претворение в жизнь её идеалов. Но он не сдался, хотя уже на этом этапе у Радова происходила переоценка прежних ценностей. Он начал выпивать, хотя духом не пал. Как человек сильный, волевой, он пошёл работать на завод «Счётмаш» учеником токаря. Освоив профессию, он продолжал писать в газету, хотя печатали его не всегда. Радов успешно продвигался по служебной лестнице, и к середине 50-х годов стал начальником цеха, в котором начинал учеником. В 1958 году главный редактор «Литературной газеты» Смирнов предложил ему должность заместителя, но кандидатуру пришлось согласовывать в ЦК КПСС. Тут и выяснилось: Радова – исключили из партии. Каким образом Смирнову удалось добиться утверждения в должности заместителя «ЛГ» опального журналиста – трудно сказать, но факт остаётся фактом: Радов плодотворно проработал несколько лет в должности заместителя редактора «Литературной газеты» по внутриполитическим вопросам и сельскому хозяйству. Римма в воспоминаниях говорила только о его назначении в «Литгазету». Выступивший на столетии со дня рождения Радова журналист Михаил Кожухов рассказал: он «нашёл в архиве неотправленное письмо Георгия Георгиевича Сталину с просьбой: восстановить его в партии. До самой кончины несправедливое исключение оставалось его душевной раной. Талантливого публициста недооценивало правительство, он считался «опальным» журналистом. В интервью журналу «Огонёк» в 1988 году С.В. Михалков высоко оценил работу писателей – деревенщиков: «Разве не готовили перестройку те писатели, которые писали произведения острые, злободневные, смелые и печатали их чаще всего с великим трудом? Сложными были судьбы Овечкина, Дороша, Радова». Не-

случайно, когда Радов готовился к шестидесятилетнему юбилею в 1975 году, он с грустью предположил, что даже самой скромной грамоты ему не дадут. Так и произошло.

К моменту знакомства с Риммой Казаковой Радов не только работал в «Литературной газете», но и широко публиковался. Он писал рассказы, работал над сценарием фильма, а в партии его так и не восстановили. Эта незаслуженная обида отравляла ему жизнь, и он продолжал выпивать. Его отношения с первой женой разладились, и, когда он сделал предложение Римме Казаковой, в семье он уже не жил. Сначала Римма ему не поверила. Она даже сказала, что считает себя некрасивой, а он – такой видный мужик. На что Радов ответил: «Некрасивая, но умная, и я хочу, чтобы ты стала моей женой». Матушку свою Радов фактически не знал, но, по рассказам близких, всё же помнил о её смелости, романтичности, о том, что она писала стихи. Совпадение имен матери и женщины, которую он полюбил и сделал предложение, показалось ему мистическим. Он влюбился в молодую Казакову, отважную, талантливую и романтическую поэтессу, чьё творчество он уже успел оценить.

Он поехал в Ленинград к Римминой матери – сватать дочь. Позвонил ей: «Я сегодня выступаю по телевидению, посмотрите. Если понравлюсь, завтра приду лично знакомиться». Всё так и произошло. Софья Александровна – мягкая интеллигентная женщина – приветливо встретила гостя. Она заняла в решении этого судьбоносного вопроса нейтральную позицию. Дочке – двадцать девять лет, если «этот человек Риммусе нравится, то пусть она и решает». Римма Казакова приняла предложение Георгия Радова. Осенью 1961 года Казакова писала подруге: «События привели меня к нему, к единственному по-настоящему верному, своему человеку. Трудно всё, но зато так крепко и счастливо. Живём мы в Переделкине, на даче “Литературной газеты”». Она сообщила: ждут ребёнка, муж хочет девочку: «А я почему-то думаю, что будет сын». Письмо заканчивалось фразой: «Мне сейчас живётся очень хорошо. Впервые в жизни так полно и счастливо». Её семейная жизнь начиналась с серьёзных бытовых трудностей: не было собственного жилья и не хватало денег, чтобы купить кооперативную квартиру. В одном из писем даже высказывалась мысль о переезде в Ленинград, куда звали Радова и где ему готовы сразу предоставить квартиру. Первая жена Георгия Георгиевича не давала развод, и Римма жила в гражданском браке, вызывавшем неудовольствие её матери: «Мать пилит меня, но меня это не волнует». Римма справедливо полагала – в то время в про-

Римма Казакова в Геленджике. У микрофона Бакалдин.
Первая справа Лола Звонарёва

винции к гражданскому браку относились строже, чем в столице: «В Москве много таких пар, и к ним относятся по-разному. К нам же как-то по-доброму: увидели наше бескорыстие и искренние чувства». Она знала немало супружеских пар, которые жили по законам богемы, когда муж говорил жене: «Я – творческая личность, и ты не должна посягать на мою свободу». Римма сообщала подруге в письме: «У нас с мужем всё по старинке, полнейшая старомодность в отношениях, и никакой свободы не хотелось. Он серьёзно относился к моему творчеству, помогал мне разбираться не только в житейских, но и государственных вопросах. Это тоже редкая удача. Могла бы ведь попасть в руки циничного идиота. Егор – человек, и не знаю, какого бога благодарить за такой подарок. Я очень счастлива. Жаль только, что он срывается, выпивает, но я борюсь с этим». В другом письме: «Он меня отогрел, выпрямил, сделал спокойной и сильной в том, в чём я за последние годы немного надломилась (в смысле – веры). Сейчас он ангел по сравнению с тем, что было тогда». Что касается трудностей, она не скрывала – их немало, но убеждена: всё это – чепуха и со временем они разрешатся. Отношения к материальным благам у них – одинаковое. У Егора – один костюм и две фланелевых рубахи. Она вспоминала: однажды Радов купил себе туфли (старые развалились), и они оказались французскими. Он почувствовал себя настолько счастливым, что пошутил: «Представляешь, француз купил туфли и забыл, у него их много.

... Палеги параре,
руки урарк...
Ах, Евсеел!
Во ссее...
и лави...

17. X. 2000.

Римма Казакова.

Римма Казакова с Борисом Евсеевым, вице-президентом Русского Пен-центра. 2000 г. Оборот фотографии с автографом Р. Казаковой

А я купил – и каждый день, надевая туфли, радуюсь, и буду радоваться года два. Какой, всё-таки, – счастливый русский писатель!». И Римма считала, что замужество у неё – «счастливое».

Заявление о приёме от 19 августа 1961 года, сохранившееся в её личном деле, свидетельствует: она, не теряя времени, поступила на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького и с радостью сообщала: «...в тридцать лет учиться гораздо интереснее, чем в юности»; а в стихах: «О, жажда детская – учиться! // А я опять во сне летаю, //

смеюсь, котлеты уплетаю, // хватаю факты на лету...// Неужто я ещё расту?!». Она ходила на занятия в приподнятом настроении, активно участвовала в семинарах, ей было, «что сказать». Помог ей поступить на курсы Твардовский – по законам того времени лиц, имеющих высшее гуманитарное образование, не разрешалось туда принимать.

Через некоторое время Римма с Радовым расписались и отметили это событие в ресторане ЦДЛ. Скромная свадьба сопровождалась забавным эпизодом. Супруги сидели вдвоём за столиком, когда к ним подошла общая знакомая – известная московская поэтесса. Узнав, что они отмечают свой поход в ЗАГС, присела рядом. А на другой день, встретив Римму в том же ЦДЛ, подхихикивая, посочувствовала: «Как мне тебя жалко, Риммочка, твой-то меня весь вечер под столом за коленку хватал». Остроумная Казакова тут же нашлась: «Знаю, знаю, дорогая, он у меня потом весь вечер в ногах валялся. Ты, говорит, у меня такая чистая, скромная девочка, а я, старый дурак, как увижу б..., не могу удержаться». Завистница всерьёз обиделась и три года с Риммой не здоровалась.

Молодая поэтесса готовила новую книжку стихов, ей хорошо писалось. Римма мечтала: в 1962 году должны выйти сразу две книжки в издательствах «Советская Россия» и «Советский писатель». О муже сообщала: «...он взял отпуск и пишет сценарий для кино; его рассказы кинематографичны и диалоги хорошие». Они мечтали летом поехать на Кубань, где живут герои его рассказов и откуда он сам родом. Она рассказывала в том же письме: «Егор хорошо образован, знает больше, начитан, глубже разбирается не только в жизни, но и в литературе. Он – умнейший человек, замечательный товарищ и прекрасный публицист». Она открывала в нём «щедрость, доброту, не растраченную энергию», и «никаких соплей, слюней и прочей интеллигентской муры. Всё, как-то очень здорово и просто». Римма счастлива. Их брак горячо обсуждался в писательской среде, Римма ответила на завистливые сплетни шутливым стихотворением: *«Все говорят, что ты упрям и груб – // мужик, мол, от подмётки до причёски! // А мне не оторвать горящих губ // от губ твоих, насмешливых и жёстких. // Пускай других разит subtilный шик // и жиденькая сладость лимонада... // Да, грубый. Да, упрямый, да, мужик! // Мужик, мужик... А что мне – бабу надо!?».*

В одном из писем Римма снова сообщала: «Всё хорошо, но Радов – пьющий человек». Это её огорчало. Она понимала: этот

недостаток распространённый, но не самый страшный, и пыталась с ним бороться. Просила Егора не пить, спасала его при конфликтах, часто дулась на него, уводила его от собутыльников. Она писала: «К алкоголю отношусь спокойно, если он не вредит здоровью и репутации». Иногда она винила себя и рассказала такой эпизод, перевернувший её сознание: «Однажды, проснувшись среди ночи, я увидела, что взрослый, здоровый мужик сидит на кровати и плачет. “Что с тобой?” – спрашиваю я. Он говорит: “Я тебя отпускаю. Ты не врала, говоря мне, что любишь другого. Но я думал, что это пройдёт, что это мимолётная влюблённость в интересного мужика. Но я ошибся”. Это событие произошло где-то на четвёртом месяце нашей совместной жизни. Вот тут-то во мне всё перевернулось». Она стала его жалеть и более активно пыталась противостоять его выпивкам. Римма писала подруге, что боялась потерять мужа, и обычно по утрам, после ссоры, сама приходила к нему и просила: «Ну, ты не будешь больше так себя вести, ты изменишься?» Он послушно соглашался: «Да, да, конечно». Когда они оказывались вместе в ресторане Дома литераторов, буфетчица Анна Ивановна спрашивала Римму: «Твоему – наливать?». Римма отвечала: «Спросите у него». Она щадила его самолюбие, не хотела публичного скандала. «Аристократическая» разница в возрасте – семнадцать лет – заставляла её так себя вести. Она не знала, как бороться с этой болезнью. Её отец не пил. Деликатное поведение Риммы не давало ощутимых результатов. Она даже решила ужесточить контроль: «Когда я начала контролировать, рюмки считать, бутылки выхватывать – всё кончилось». Не удалось избежать драматических сцен, когда она «уже в конце беременности бежала за пьяным мужем, “тряся животом”», и умоляла его вернуться, а он ещё куда-то уходил, чтобы добавить. Она писала: «Мы были всё-таки очень разные. Но это была моя семья, мой муж – может, даже тот, который должен был быть у меня на всю жизнь. Я была молода душой. В надежде, что жизнь наладится, я испробовала все средства. Я мечтаю о стабильности, которая бы дала мне возможность работать, но и это оказалось непросто». Позднее она поняла свою ошибку: «Я портила своих мужчин. Я иногда думаю, что, если бы я однажды собрала своему первому мужу вещички и выставила его, может быть, он очнулся бы, и всё наладилось. Я совершила ошибку и сама за неё заплатила».

Продолжение следует